

Инь Лося в одиночестве стояла на прежнем месте, и горный ветер трепал её одежды.

На животе еще ощущался слабый, но четкий след от недавнего прикосновения пальцев Су Чанхе. Его последние слова звучали вовсе не как признание в любви, а скорее как окровавленное заклинание, накрепко пригвоздившее её и этого нерожденного ребенка к Городу Снежной Луны, а заодно — к темному и непостижимому сердцу самого Су Чанхе.

Вернувшись в Зал Заката, Инь Лося отослала служанок и одна встала у окна. Она провела пальцами по животу: он все еще оставался плоским, но она уже чувствовала слабую нить живой связи.

Зачем она оставила этого ребенка? Она и сама не могла бы толком объяснить. Быть может, это была единственная реальность после той безумной ночи, полной вина, а может — бунт против предначинанной судьбы. Сунь Яньхуэй оттолкнул её на тысячу ли, а Сыкун Чанфэн превратил город в клетку, так что она назло решила сохранить эту нежеланную кровь, чтобы доказать: её, Инь Лося, жизнь не подвластна чужой воле.

Шли месяцы, и беременность стала заметной.

Под предлогом затворничества она редко покидала покои, однако ей неизменно доставляли целебные травы для укрепления плода из неизвестных источников. Качество лекарств было отменным, состав — безупречно точным, и каждый раз посылки приходили разными путями, не оставляя и следа. Она отлично понимала, чьих это рук дело, но хранила молчание, просто собирая все травы до единой, не притрагиваясь к ним.

В ту глубокую ночь она вдруг почувствовала бунт внутренней ци и тупую боль внизу живота. Не успела она принять позу для медитации и выровнять дыхание, как из-за окна донеслись три легчайших стука.

Она отворила створку, и на подоконник упал сверток ткани, обернутый ледяными кристаллами. Вместо чернил на материи виднелись кровавые мазки — схема циркуляции ци, в точности помогавшая справиться с её нынешним недомоганием.

Почерк был резким и дерзким — кто же еще, кроме Су Чанхе, мог это сделать?

Она последовала совету и занялась цигун, и боль действительно начала утихать.

Глядя на глухую ночную тьму за окном, она презрительно усмехнулась. Су Чанхе, ты даже показаться боишься, прячешься, как крыса в сточной канаве.

Месяц спустя Инь Лося слушала сказания в чайной в черте города.

Вдруг она услышала разговор за соседним столиком:

Слышал, Тёмная Река в последнее время потеряла немало людей, натолкнувшись на крепкий орешек на стороне Наньцзюэ.

Поделом! Этим тварям, что прячутся во тьме...

Рука, державшая чашку, слегка замерла. Вот почему в последнее время ей перестали приходить странные послышки. Оказывается, он сам погряз в проблемах.

Тем же вечером в оконную балку вонзился метательный дротик, к которому была привязана половина окровавленной карты — это оказалась схема укреплений одного из форпостов Тёмной Реки в Наньцзюэ. Ни единого лишнего слова, но она всё поняла без подсказок: Су Чанхе еще жив, и всё, что должно быть сделано, он непременно выполнит.

Накануне родов Город Снежной Луны перешел на осадное положение.

Инь Лося мерила шагами комнату, как вдруг увидела, что в окно залетел бумажный фонарик. На бумаге виднелись размазанные следы туши, и было выведено всего два иероглифа:

Выживи.

Размашистые штрихи казались такими дикими, что едва не прорывали тонкую бумагу. Она толкнула створку и увидела, как этот одинокий фонарик покачиваясь поднимается в ночное небо, отчетливо выделяясь на фоне ярких огней Города Снежной Луны.

На рассвете следующего дня детский плач прорезал утренний туман.

Повитуха, качая в пеленках сверток, с улыбкой спешила поздравить роженицу, а Инь Лося смотрела в окно. У края карниза на мгновение мелькнула пола темного одеяния — так быстро, что это походило на видение.

Она приняла ребенка и всмотрелась в едва заметную родинку за детским ухом — точь-в-точь на том самом месте, к которому она в ту ночь прикасалась бесчисленное количество раз.

— Безумец, — тихо пробормотала она, но пальцем легко провела по алой точке.

Узнав о происшествии, прибежал Сыкун Чанфэн. Взглянув на младенца со сложным выражением лица, он в конце концов лишь тяжело вздохнул, не стал задавать лишних вопросов, только велел ей хорошенько отдохнуть и распорядился усилить стражу у Зала Заката.

Весь Город Снежной Луны знал, что старейшина Лося родила девочку, но слухи об отце ребенка ходили самые разные, и никто не осмеливался расспрашивать её напрямую.

Инь Лося назвала дочь Си Чжао — в честь вечерней зари, теплящейся, но мимолетной.

На заброшенной горе в сотне ли оттуда Су Чанхе стер кровь с уголка рта и стер в порошок только что полученное секретное донесение. В послании было всего четыре иероглифа: Мать и дочь здоровы.

Он бросил взгляд в сторону Города Снежной Луны и усмехнулся.

Тёмной Реке не нужен свет, но кровь его, Су Чанхе, должна жить там, где ярче всего сияют лучи.

<http://bllate.org/book/20906/2113461>